

А. Т. ГРЯЗНОВА
Москва

Неизвестный Некрасов

(Лингвопоэтический анализ стихотворения
Н. А. Некрасова «Сон»)

Мне голос был. Он звал утешно...
А. Ахматова

К философской лирике Н. А. Некрасова исследователи его творчества обращаются довольно редко. А ведь подобных стихотворений у поэта не так уж мало: «Смерти» (1838), «Жизнь» (1839), «Ангел смерти» (1839), «Истинная мудрость» (1839), «Моя судьба» (1839), «Сомнение» (1839), «Час молитвы» (1839), «Пророк» (1874), «Сеятелям» (1876), «Молебен» (1876), «Сон» (1877).

Анализируя список названий, можно прийти к некоторым любопытным выводам. Прежде всего, стихотворения четко поляризуются по времени написания. Первые опыты философской лирики относятся к началу творчества Некрасова, они опубликованы в раннем сборнике «Мечты и звуки» (1840). Поздние стихотворения философского характера написаны поэтом незадолго до смерти и составляют сборник «Последние песни» (1877). Таким образом, философская лирика образует в творчестве Некрасова логическое кольцо, которое нашло выражение и в названиях сборников: слова *звуки* («Мечты и звуки») и *песни* («Последние песни») образуют окказиональную синонимо-антонимическую пару.

Обратимся к стихотворению «Сон» (1877?), в котором нашли отражение многочисленные интертекстуальные связи лирики Некрасова.

Сон

Мне снилось: на утесе стоя,
Я в море броситься хотел,
Вдруг ангел света и покоя
Мне песню чудную запел:
«Дождись весны! Приду я рано,
Скажу: будь снова человек!
Сниму с главы покров тумана
И сон с отяжелелых век;
И музе возвращу я голос,
И вновь блаженные часы
Ты обретешь, сбирая колос
С своей несжатой полосы».

Грязнова Анна Тихоновна, кандидат филол. наук, преподаватель вуза.

Легко заметить, что стихотворение заметно отличается от привычной нам некрасовской манеры письма, которая у большинства читателей ассоциируется с использованием прозаизмов и диалектизмов¹. В стихотворении «Сон», напротив, преобладают единицы высокого, традиционно-поэтического стиля. Среди них есть и церковнославянизмы (*глава, блаженные, сбирая*), и библеизмы (*ангел света, колос*; ср. *значное место*), и элементы поэтических клише (*сон, утес, море, ангел, песня чудная, туман, муза, голос*). На первый взгляд кажется, что большинство этих слов употреблено в прямом значении, но детальный анализ свидетельствует о том, что многие лексемы использованы метонимически (*человек* – «духовная личность»; *муза* – «вдохновение»; *голос* – «творческие способности»; *блаженные часы* – «блаженство»). Встречаются и метафоры (*туман, сон*). Изобразительно-выразительными возможностями в стихотворении обладают и грамматические формы: единственное число слова *колос* употреблено в значении множественного, а множественное число слова *часы*, напротив, передает значение единственного числа (ср. *блаженство, время*).

Но насколько характерны эти особенности для позднего стиля поэта? Даже беглое знакомство с содержанием сборника «Последние песни» свидетельствует о том, что пространные, сюжетные, обнаруживающие сходство с прозой стихотворения² сменились у Некрасова произведениями, в которых мысль и чувство сжаты до предела; ср.:

Скоро – приметы мои хороши, –
Скоро покину обитель печали:

¹ Термины Ю. Н. Тынянова. См. статью «Стиховые формы Некрасова» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 24.

² О «прозаизации» лирики Н. А. Некрасова писал Ю. Н. Тынянов; см., например, цит. изд.